

3. Қўқон шаҳар Ғофур Ғулом номидаги Адабиёт музейи материалларидан фойдаланилди. 2012 йил 10 май.
4. Хабибуллаев Н. “Ўрта Осиёда қоғоз ишлаб чиқариш тарихидан” Т.: 1992. 5-18 б.

ПОНЯТИЕ ПРАВДЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ XVII ВЕКА: ПОВОРОТ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Шавеко Николай Александрович

*канд. юрид. наук,
Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН,
РФ, г. Ижевск*

"Правда" – ключевое понятие, выражающие социальные и религиозные идеалы Древней Руси, но оно не оставалось неизменным на протяжении веков.

Так, если в XVI веке понятие правды активно эксплуатировалось правителями для обоснования централизации и усиления своей власти, то в ходе Смутного Времени были переосмыслены прежние представления о царской власти. Уже в 1598 году состоялись первые выборы русского государя "всею землею". *Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду впервые возбудили очень серьезные сомнения [1, с. 22]. Смутное время постепенно выдавливало из народного сознания старое отношение к монарху как к наследственному, богоизбранному и не подсудному человеческому суду главе государства. Человеческий суд совершился над Годуновым, Шуйским и многими самозванцами. Практика земских соборов воплощала идею о том, что власть должна опираться на широкие массы и народное мнение. Даже официальная точка зрения, выраженная в произведениях о Смуте, не исключила обличения "грехов" правящего класса, что было в то время большим достижением. Новые литературные произведения, такие как Хронограф 1617 г. или Временник Ивана Тимофеева, не описывают исторических личностей, в том числе правителей, как однозначно добрых или злых, грешных или безгрешных, более того, характеры героев изменчивы. Народное творчество также снимает священный ореол с правителя: так, в народной исторической песне "Плач Ксении Годуновой" осуждается несправедный царь-самозванец, пренебрегающий русскими обычаями. Незвестный автор Плача о пленении и конечном*

разорении Московского государства винит в случившемся, во-первых, весь народ ("ныне совершается промыслом Божиим за неправды, и за гордыню, и за вымогательство, и за коварство, и за прочие злые дела, о коих с плачем вещают пророки" [2, с. 331], "правда в людях оскудела и воцарилась неправда, и всяческая злоба, и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и ненасытное стяжательство, и ненависть к братьям своим умножилась, ибо оскудела доброта и обнажилась злоба, и покрылись мы ложью" [2, с. 331-332]), а во-вторых, всех московских царей ("Цари... вместо к Богу возводящей лестницы спасительных слов, кои рождаются от содержащихся в книгах истин, приняли богоненавистные дары: бесовские козни, волшебство и чародейство... вместо непобедимого скипетра богоподражательных кротости и правды возлюбили гордость и злобу"). От Бога отступили все, "от великих знатных людей, от премудрых и до простолудинов" [2, с. 332].

Для автора сочинения "О причинах гибели царств" особое значение имеет "единомысленье начальников с подданными" [3, с. 332-333; 342]. Власть, полагает он, должна основываться не на страхе, а на любви подданных. В свою очередь любовь подданных можно добиться милосердием, которое, конечно, должно знать свои границы. Законы в государстве должны изменяться постепенно, основываясь на общественном настроении, "чтобы скорою переменою сердца у подданных не смутились и чтобы за тѣмъ дѣломъ не послѣдоваль страхъ въ государстве" [3, с. 344]. Автор также положительно оценивается институт эфоров в Древней Спарте, ограничивающий царя.

Интересно, что "Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском" — агитационное патриотическое произведение, оформленное как грамота-воззвание, отклик на события русской истории за декабрь 1610 - февраль 1611 г., с призывом современников к вооруженному сопротивлению против иностранных интервентов и предателей из правительства национальной измены — "Семибоярщины", обосновывает возможность восстания против предателей даже без прямой на то воли государя [4, стб. 25].

Вместе с тем, *нашла продолжение высказанная еще Пересветовым мысль о том, что начальниками должны быть люди способные, а не только бояре и князья, то есть что привилегии должны распределяться по способностям, а не по знатности*; история здесь выдвинула конкретный образец — "говядаря" Кузьму Минина. Другое дело, что ранее самодержавная власть царя только мешала претворению данного принципа (вспомним, что Андрей Курбский обличал Ивана Грозного за то, что тот подверг всех своих воевод опале, и поэтому терпит поражения в военных действиях).

Таким образом, можно сказать, что история в целом заставила людей искать пути правды в идеях демократизма. Однако и вера в "добротого царя" продолжает жить. Чистов К.В. посчитал, что легенда о царе-избавителе в разных версиях существовала на отрезке времени с 1598-1604 гг. по 1644-1646 гг. [5, с. 69]. Не следует забывать и то, что Степану Разину большую поддержку со стороны крестьянства обеспечил тот факт, что под Самарой казачий атаман объявил, что с ним идут патриарх Никон и царевич Алексей Алексеевич.

После Смутного времени, события которого перемешали общественное положение людей (так, на авансцену истории выходят как родовитые, так и неродовитые политические деятели), литература освобождается от служения церковным и государственным интересам. *В произведениях возрастает роль личностного начала: герои различных повестей, будучи, как правило, незнатными, начинают свои злоключения с того, что нарушают выработанные традицией нормы и устои* (Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о Горезлосчастии и др., и даже в Сказании о киевских богатырях все начинается с ослушания богатырями воли князя Владимира; Еруслан Лазаревич в первую брачную ночь запросто уходит от своей жены, узнав о некоей прекрасной царевне), *особое внимание авторы придают внутреннему миру героев, их мыслям и переживаниям, и именно это привлекает читателя.*

Сказанное ведет к тому, что теперь произведения посвящаются не оправданию государственной политики, самодержавной власти или церковной идеологии, а бытовым историям и неурядицам. Но хотя внимание теперь уделяется "маленькому человеку", незнатному и не богатому (купеческий сын, спившийся монах и т. п.), вопросы социальной справедливости остаются актуальными. Как правило, в различных повестях все завершается тем, что виновные получают по заслугам, их ожидает справедливое наказание, а те, кто незаслуженно страдал, получают некую компенсацию за свои страдания. Важно и то, что вершителями правды становятся в новых повестях не государи, а обычные люди, которые решили испытать свою смелость и везение. Новшество литературы XVII века можно усмотреть и в том, что и ответственность за свои поступки несут исключительно сами герои, ни о какой коллективной ответственности после разрыва корпоративных связей не может идти и речи, в то время как раньше коллективная ответственность считалась соответствующей идеалу правды (например, в теории "казней Божьих").

Правда по-прежнему отождествляется с христианством, причем именно православным (так, Бова Королевич не отрекается от христианства даже под угрозой смерти, отказываясь принять "веру

латинскую и Бога Ахмета" [6, с. 247], т. е. католичество в сознании древнерусского человека приравнивается к мусульманству; в свою очередь еще в "Сказании о Мамаевом побоище" мусульманская вера приравнивалась к язычеству: Мамай "еллинь сый вѣроу" [7, с. 138]). В произведениях, посвященных Смутному времени, защита родины имела также и характер защиты веры, поэтому все произведения о "Смуте" XVII в. носят черты религиозно-церковной идеологии. И действительно, в произведениях того времени религиозная идентичность (конфессионизмы) имеет несравненно большее значение, чем этническая. *Вместе с тем, главная цель авантурных повестей второй половины XVII века – развлечение, а не назидание*, поэтому зачастую они могут иметь явную католическую окраску (см. Повесть о Петре Златых Ключей), которая уже никого не смущала. *Герои авантурных повестей привлекают читателя не своим, прямо скажем, не христианским поведением, а смелостью, дерзостью, отвагой, силой и удачей, и хотя, конечно, поведение этих героев не выставляется как правильное, а сами повести переписываются не как "душеполезные", можно отметить заметный сдвиг в идеалах людей второй половины XVII века в сторону секуляризации*. Постепенно на Руси утверждается новоевропейская мировоззренческая парадигма, в рамках которой "правда" десакрализуется, связывается с сильной властью и благополучием подданных, а человек, рассчитывающий не на небесное спасение, а только на собственные силы, стремится устроить "царство Божие" на земле [8, с. 9].

Исследуя представления о правде XVII века, нельзя не проанализировать сочинения представителей интеллектуальной элиты того времени.

Так, определенные наброски концепции "правды" можно найти в стихотворениях выдающегося поэта и интеллектуала XVII века, приближенного царя Алексея Михайловича – Симеона Полоцкого [9; 10]. В стихотворении "Началник" он перечисляет добродетели властей, среди которых называет сохранение правды, и поясняет, в чем эта добродетель заключается: 1) "блюсти от напастей подчиненных", 2) "чести даяти достойным, а не на злато смотряти", 3) "равно судити мала и велика". Таким образом, безопасность, воздаяние по заслугам и беспристрастный суд Симеон Полоцкий называет в качестве трех важнейших проявлений правды со стороны власти. Чем не современная теория справедливости? В стихотворении "Труд" правдой он называет изречение апостола: "Праздный да не яст", вновь утверждая идею воздаяния по заслугам (здесь – по труду). А поясняя идею равного суда, поэт в том же "Началнике" сравнивает закон с сетью: если эта сеть не крепка, большое животное (очевидно, лицо

высокого положения) сможет ее истерзать. Симеон Полоцкий, в сущности, говорит не просто о неизбежности законов, а именно о правовом государстве, ведь сильная власть, согласно его логике, нужна для того, чтобы обеспечить безопасность общества, равное отношение к бедным и богатым, к простолюдинам и влиятельным людям, а социальное положение человека, в свою очередь, должно зависеть от труда и заслуг. Самоуправство и "правды ненавидѣние" царя резко критикуются в стихотворении "Правды безмѣстие", где царь отомстил боярину за то, что тот упрекнул его в пьянстве: царь убил на пиру сына этого боярина. Здесь мы видим осуждение и царского произвола, и мести как таковой. А в стихотворении "Истинна" царь вообще ставится автором в сложнейшее положение: следуя букве им же установленного закона, он должен в наказание за прелюбодеяние выколоть оба глаза своему сыну. Народ молит пощадить виновника, но царь непреклонен: за преступление должно следовать наказание ("правды не растлю"). И лишь ввиду исключительности этого случая и просьб народа царь постановляет выколоть сыну один глаз, второй же постановляет выколоть самому себе. Симеон Полоцкий вообще уделяет особое внимание справедливости судебного процесса ("Фрон истинны..."). Взятничество судей осуждается у него в стихотворении "Дароимство", а в стихотворении "Клятва во лжу", с одной стороны, ставится под сомнение клятва как способ разрешения спора (должник дал поддержать кредитору свой золотой жезл, в это время совершил клятву, заявив что долг отдан, после чего взял свой жезл обратно), с другой же стороны, демонстрируется идеальный случай Божьего суда "по правде": сначала Бог в наказание за лжесвидетельство казнит должника, но впоследствии, чтобы обратить в христианство кредитора (еврея), воскрешает первого, и тем самым мы получаем и раскаяние виновного, и новообращенного христианина (что соответствует конечной цели спасения, а не мести). Уже упомянутое "Правды безмѣстие" осуждает месть как способ наказания. Касается Симеон Полоцкий и темы справедливой внешней политики: чтобы отличаться от простого разбойника, царь должен "честно с враги воевати" (стихотворение "Разбойник"). Что же до правил в отношении людей, не облеченных властью, то чаще всего у Симеона Полоцкого с неправдой ассоциируется пьянство ("Пианство", "Правды безмѣстие"), особую ценность имеет также правда как честность ("Нищета царей", "Друг" и мн. др.) и просвещение народа ("Мало есть правды царю мудру быти, а подчиненых мудрости лишити"). Богатство, напротив, ассоциируется с неправдой (не только с вечными муками, но и с постоянными страданиями в этом мире, см. "Богатства"). Перечисляя "самые сильные вещи" в одноименном стихотворении, Симеон Полоцкий

называет одной из них идеал правды (наряду с женщинами, властью и вином), подчеркивая его созидательную силу.

Юрий Крижанич в своей "Политике" [11] в контексте представлений о правде продолжает ряд традиционных воззрений на правду. Такова, например, традиция неприятия милостыни, которая совершается за счет незаконно приобретенного: по мнению автора, оправдаться вор может только возвратом всего награбленного (разд. 27, п. 5). Такова и традиция возложения на правителя ответственности за то, что делают его подчиненные, в частности сборщики податей: Крижанич утверждает, что рост казны – не абсолютное благо, которым можно оправдать любые неправды (разд. 28, п. 2; разд. 30, п. 8). Напротив, богатство короля изменяется благосостоянием подданных (разд. 26, п.1). Кроме того, указанный мыслитель подробно развивает уже встречавшуюся ранее у И. Пересветова идею о том, что государственным служащим необходимо назначать жалование, поскольку в отсутствие такового для исполнения предписаний вышестоящего начальства им приходится "поступаться правдой и входить в долю к ворам"; как только у судей появиться жалование, они перестанут торговать правдой (разд. 29, п. 4). Наконец, Крижанич (подобно Ф. Карпову) призывает отказаться от чрезмерной милости к преступникам, поскольку такая милость вредит добропорядочным подданным (там же). Новаторство мыслителя, развивающего все вышеназванные идеи, состоит в том, что он призывает изменять существующие законы во имя правды, и утверждает, что цари не могут оправдываться тем, что "грабительские и людодерские" законы установлены их предками (разд. 28, п.п. 3-4). Например, он осуждает чрезмерные судебные пошлины, препятствующие доступу к правосудию (разд. 29, п. 5). Правду же Крижанич отождествляет с мудростью жизненного опыта, способствующей счастью и благу народа, хотя судьба обладающего ей философа незавидна: "тот, кто говорит правду, повсюду ненавистен" (разд. 35, п. 11).

Говоря о народных представлениях о правде XVII в., нельзя не отметить такое социальное явление, как церковный раскол.

По утверждению А.И. Клибанова, ереси предшествующих веков уже обнажили скептическое отношение народа к церковным иерархам, теперь же произошло *массовое крестьянское отречение от господствующей церкви во имя идеалов старины (крестьянской общинной жизни)*. М.В. Черников, в свою очередь, отмечает, что *в среде раскольников царь и впоследствии император потеряли легитимность, поскольку из-за измены православию уже не защищали истинной Правды* [12, с.128-130]. *Тем самым была отвергнута идея "государства Правды", правителя страны как главного защитника Правды.*

"Староверие, - утверждает А.И. Клибанов, - в своих общемировоззренческих чертах представляло собой апологию соборности, мира как большой семьи, обнимавшей узами родства людей, живуб и неживую природу, и бог был "большаком" этой семьи. "Семья" являлась предельно изравненной, одинаковость всех ее составляющих ставилась условием принадлежности "семье". Изравнение распространено было и на самого "большака": бог тоже не был "единоличником", не единым в трех лицах богом православной ортодоксии, но светом "равночестных", "равновластных", "равноестественных" и "равносущественных" Отца, Сына и Духа. Так толковал Троицу Аввакум" [13, с. 91]. По мнению указанного исследователя, староверие "дало религиозную теорию противопоставления мира равенства – миру господства, мира труда – миру тунеядства, мира бедных – миру богатых, мира правды – миру лжи, мира Христа – миру Антихриста" [13, с. 92]. Он отмечает "монастырский коммунизм" Выгорецкой обители, отрицание государственной и церковной власти Федосеевской общины близ Невеля, в которой также действовали правила общности имущества и обязательности труда.

Вместе с тем, церковный раскол, как представляется, показывает и другой аспект народных представлений, а именно *строгую приверженность народа церковному ритуалу и формальным догмам ("вере", а не "правде"?)*, а также *древним традициям и обычаям (мифологической, а не христианской парадигме?)*, изменения в которых воспринимались людьми как *вопрос жизни и смерти*. Выходит, что переход к новому, современному пониманию правды в XVII в. сопровождался рецидивом реакционных дохристианских тенденций.

Другим выражением народных представлений о правде было восстание под предводительством Степана Разина (1667-1671). Причинами данного восстания называют, в том числе, окончательное *закрепощение крестьянства, рост налогов и повинностей социальных низов*. Именно эти обстоятельства побудили крестьян объединиться со Разиным. Были и другие причины восстания, в частности стремление власти ограничить *казачью вольницу*. Но и здесь симпатии народа были на стороне казачества. В.Д. Назаров пишет: "Казачьи области представляли собой в глазах угнетенных масс альтернативу "свободной" жизни порядкам крепостнических государств. Земля принадлежала лицам, обрабатывающим ее по праву первой трудовой заимки, распорядок внутренней жизни строился на своеобразном преломлении традиций крестьянской общины и, по-видимому, характеризовался "мужицким демократизмом". Вот это иллюзорное представление о якобы полностью автономном и самостоятельном существовании

"мужицких республик", свободных от крепостнического гнета и разоряющего влияния рынка, и было реальной общественно-психологической основой для массового воздействия казачества, в первую очередь на крестьянство" [14. с. 122]. Не следует забывать, что каждого перешедшего на его сторону Разин объявлял свободным. В результате, именно местные казацкие предводители руководили крестьянскими восстаниями Поволжья, сопровождавшими выступление Разина. "Крестьянская община и казачий круг казались крестьянам наиболее справедливым социальным организмом" [15, с. 267]. Народные исторические песни XVII в. также отражают недовольство народа крепостническим гнетом. Они сочувственно относятся к восстанию Степана Разина: в них разинцы отвергают обвинения в том, что они всего лишь "воры-разбойники", а смерть Степана Разина описывается как всенародное горе.

Отдельное место в народной культуре занимают *сатирические произведения, зачастую преисполненные безнадежности и пессимизма, и зачастую направленные против власть имущих и духовенства.* Собираемый герой таких произведений – бедный, голый и голодный человек – находящий спасение лишь в способности посмеяться над собой и той ситуацией, в которой он находится. Распространению сатирического жанра способствовала Смута, с одной стороны приведшая к обнищанию населения, а с другой стороны - открывшая дорогу свободе слова [16].

Таким образом, идеал "правды" в XVII в. имеет множество серьезных отличий от предшествующих воззрений на этот счет. Во-первых, меняется отношение к монарху как выразителю "правды", во-вторых, назревает разрыв между властью, оправдывающей социальное неравенство, и населением, отвечающим на это (в духе идеалов равенства) "расколом", восстаниями и сатирой, в-третьих, меняется отношения к коллективам как носителям прав и обязанностей, все больше проявляется личностное начало, в-четвертых, воззрения секуляризуются, хотя правда всё еще ассоциируется с православием.

Список литературы:

1. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
2. Русская социально-политическая мысль. XI-XVII вв. Хрестоматия. М., 2011.
3. Салмина М.А. "О причинах гибели царств", сочинение начала XVII века. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. ИРЛ (Пушкинский Дом); Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10.
4. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом Государстве Московском. СПб., 1907.

5. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.
6. Повесть о Бове Королевиче. // БЛДР. Т. 15.
7. Сказание о Мамаевом побоище. // БЛДР. Т. 6.
8. Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Автореф. на соиск. учен. степ. д. филос. н. Воронеж, 2002.
9. Симеон Полоцкий. Избранные Сочинения. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953.
10. Симеон Полоцкий. Вирши. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.
11. Крижанич Юрий. Политика. М.: Изд-во "Новый свет", 1997.
12. Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Дисс. на соиск. учен. степ. д. филос. н. Воронеж, 2002.
13. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.
14. Назаров В.Д. О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. в России. / Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
15. Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII-XVIII в. / Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. С. 267. Курсив наш – Н.Ш.
16. Русская демократическая сатира XVII века. / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1977.